

Врожденные особенности

Можно только гадать о том, насколько ранние страшные впечатления и то, что он до восьми лет рос без отца (А. И. Бродский служил в армии с 1941 по 1948 год), отразились на психике мальчика. Отношения с вернувшимся из армии отцом были неровные: Александр Иванович мог подолгу гулять с сыном, вести с ним серьезные беседы, иногда защищать от несправедливых школьных учителей, но мог в порыве гнева и схватиться за ремень⁴¹. «Я плохо учился, и это очень раздражало отца, чего он никогда не скрывал. Родители столько

37 Там же. Л. 188.

38 *Мандельштам Н. Я.* Вторая книга. М.: Московский рабочий, 1990. С. 90.

39 РНБ. Ед. хр. 63. Л. 187.

40 Там же. Лл. 188-189; см. также *СИБ-2*. Т. V. С. 17.

41 См. *Интервью 2000* С. 179.

ругали меня, что я получил закалку против такого рода воздействий»⁴² Впоследствии в эссе «Полторы комнаты», в стихах «Дождь в августе» и «Памяти отца: Австралия» воспоминания о жизни с родителями окрасились в ностальгические тона, стали выстраиваться в поэтический миф собственного детства. Но молодому Иосифу казалось, что жизнь отца лишена духовного содержания. В неоконченном стихотворном портрете отца, «Фотограф среди кораблей» («Из неопубликованного»), он описывает шестидесятилетнего мужчину, «чья речь уже давным-давно чуждается любых глубин душевных». Но этот фрагмент обозначает и перелом в отношениях с отцом, первую попытку повзрослевшего сына не бунтовать против отца, а понять его. Писал «Фотограф» Бродский в кризисном шестьдесят четвертом году. Тогда Александр Иванович не только бросился на спасение сына, но и в некоем встречном душевном движении начал воспринимать его литературные занятия как нечто серьезное и заслуживающее уважения.

Стоит помнить, что отец обучил Иосифа своему ремеслу – фотографии. В житейском смысле это пригодилось мало. Ради заработка Бродский сделал пару фоторепортажей для ленинградских детских журналов, а потом пытался подрабатывать фотографией в ссылке. Но то, что его глаз натренирован видеоискателем «лейки», несомненно, чувствуется в стихах.

Вероятно, наследственные факторы сыграли свою роль в том, что Бродский был с детства, и в особенности в молодые годы, чрезмерно впечатлителен, часто не выдерживал конфликтных и даже просто повышено эмоциональных житейских ситуаций – от переизбытка чувств мог вскочить и убежать из дому просто в разгар семейного праздника. Сам он простодушно говорил о таких моментах: «Психика садится». Он был подвержен фобиям – в частности, боялся одиночества. Этот страх и внутренняя борьба с ним с большой силой самонаблюдения описаны в стихотворении «В горчичном лесу» (*СНВВС*). Возмужав, он любил цитировать, слегка изменив, Акутагаву Рюноске: «У меня нет убеждений, у меня есть только нервы»⁴³, – признавая за собой черты психопатической (или, в терминологии психоанализа, «невротической») личности. Как известно, именно такой тип личности психологи считают связанным с артистическим дарованием. На окружающих в юности и, насколько можно судить по формальным школьным характеристикам, в детстве Иосиф производил впечатление человека неуравновешенного и легко ранимого, как говорится, с тонкой кожей. Последнему впечатлению способствовал и его внешний облик: подобно многим рыжеватым евреям-ашкенази, он был действительно «тонкокож», то есть капилляры были расположены очень неглубоко и от этого белокожее, с бледными веснушками лицо часто вспыхивало краской. С годами он выработал навыки самодисциплины, проявлял завидное мужество перед лицом смертельной болезни, но и в молодые годы, в действительно критических ситуациях, как, например, на суде в 1964 году, он находил в себе ресурсы самообладания. Моральная стойкость в ответственные моменты и огромная работоспособность, способность доводить до конца и совершенства большие художественные проекты говорят о характере значительно более сложном, чем классический тип «неуравновешенного невротика». Волевым выбором поведения он преодолевал биологическую предрешенность.